

СОДЕРЖАНИЕ

1. История	– 2.01
2. Дон-Кихот	– 1.26
3. Сон	– 2.33
4. Выдумка	– 3.32
5. Согрейся	– 2.00
6. Духи света	– 1.19
7. Как марсианин	– 1.42
8. Сквозь меня	– 1.38
9. Летящий шаг	– 2.40
10. Окончательная возмужалость	– 2.17
11. Помни меня!	– 2.10
12. Поэтический метод	– 4.03
13. Признание	– 2.07
14. Прости-прощай!	– 1.57
15. Начинается время	– 2.09
16. Молодость моя	– 1.37
17. Это было	– 2.20
18. Контурь жизни	– 1.24
19. Мне снилось	– 1.33
20. Я расскажу	– 2.53
21. Рубеж	– 2.14
22. Бьет одиннадцать	– 1.57
23. Свободен от постоя	– 1.51

Общее время звучания – 49.23

1. ИСТОРИЯ

История гибла и пела
И шла то вперед, то вразброд.
Лохматилась грязная пена
Ее вымиравших пород.

То были цари и циркачки,
Философы и скрипачи —
В тяжелой и жуткой раскачке
Уже не живые почти.

Но я относился с доверьем
К истории, вьюгам, кострам.
Я жил геральдическим зверем
В развалинах сказочных стран.

Мне каркала злая ворона
Из мрака монархии той,
Где все от острога до трона,
Казалось, свинцом залито.

Где фурии факельным хором
Рыдали с архивных страниц,
Искали горячего корма, —
А век отвечал: — Отстранись!

Но, весело, честно и строго

Спрягая свой черный глагол,
Я был как большая дорога
И просто был молод и гол.

2. ДОН-КИХОТ

В тот год, когда вселенную вселили
Насильно в тесноту жилых квартир,
Как жил ты? Сохранил ли память или
Ее в тепло печурки превратил?

Ты помнишь? Нечего жалеть и нежить.
Жги! Есть один лишь, выход — дымоход.
Зола и дым — твоя смешная нежить.
Твоя смешная немочь, Дон-Кихот.

Век начался. Он голодал Поволжьем.
Тифозный жар был как с других планет.
«Кто был ничем, тот станет...» Но ты должен
Поверить, ибо большей правды нет.

Она придет, как женщина и голод.
Все, чем ты жил, нещадно истребя.
Она возьмет одной рукою голой,
Одною жаждой жить возьмет тебя.

И ты ответишь ей ночами схимы
Бессонницей над бурей цифр и схем.
Клянясь губами жаркими, сухими
Не изменять ей. Никогда. Ни с кем.

3. СОН

Мне снился накатанный шинами мокрый асфальт.
Косматое море, конец путешествия, ветер —
И девушка рядом. И осень. И стонущий альт
Какой-то сирены, какой-то последней на свете.

Мне снилось ненастье над палубным тентом, и пир,
И хлопанье пробок, и хохот друзей. И не очень
Уже веселились. А все-таки сон торопил
Вглядеться в него и почувствовать качество ночи!

И вот уже веса и контуров мы лишены.
И наше свиданье — то самое первое в мире,
Которое вправе хотеть на земле тишины
И стоит, чтоб ради него города разгромили.

И чувствовал сон мой, что это его ремесло,
Что будет несчастен и все потеряет навеки.
Он кончился сразу, едва на земле рассвело.
Бил пульс, как тупая машина, в смеженные веки.

4. ВЫДУМКА

В ту полночь комната была машиной
Пограндиозней, чем врата Микен.
В его ушах она шумела хиной

И музыкой, не сложенной никем.

Но он решил прислушаться вначале
К возникновению полной тишины,
Найти слова, которые молчали,
Но молодости были бы слышны.

А девушка, чей смех и чья походка
Ему приснились в бредовом дыму,
Вдруг ожила! Но это не находка.
О, радость! Но и это ни к чему.

Она казалась выдумкой нарядной
В алмазных брызгах света. И тогда
Ее вообразил он ненаглядной,
Спросил: «Согласна?» И услышал: «Да».

Искусство! Смутная подробность ночи,
Случайная разгадка иль предлог
Для чьих-то слез и чьих-то многоточий
В любой из наших каменных берлог.

5. СОГРЕЙСЯ

Согрейся у этих приморских камней,
У этих неярких и ровных огней!

Согрейся дыханьем с возлюбленной рядом,
Пока она смотрит младенческим взглядом.

Согрейся! Еще есть надежда. Еще
Так близко, так близко рука и плечо.

А где-то смеются, и плачут, и пляшут,
И письма нам пишут, и шляпами машут.

И мирная зелень еще не красна
От пятен того дорогого вина,

Которое завтра прольется так щедро.
Отдайся прохладе приморского ветра

Всей горечью губ и дрожанием век,
Пока ты еще на земле, человек!

Пока не замерз во вселенной, — согрейся
За четверть часа до последнего рейса.

6. ДУХИ СВЕТА

Так повстречались духи света
Колонок вспышкой в дугах вольтовых.
Так начиналась прелесть эта,
Волос и губ горячих соль твоих.

Не просто море до колен нам,
Не только знал тебя я досыта, —

Но никаким иным вселенным
Ты уж не дашься. Сорвалось это!

Ты помнись, как в сыром тумане
Горячечный маяк пульсирует?
Казалось, что и он вниманье
Мое к тебе, — немое, сирое.

Казалось, юная сама ты,
Уже не дух, еще не женщина,
С охрипшим за ночь и косматым,
С моим отчаяньем обвенчана.

7. КАК МАРСИАНИН

Был жаркий день, как первый день творенья.
В осколках жидких солнечных зеркал,
Куда ни глянь, по водяной арене
Пузырился нарзан и зной сверкал.

Нагое солнце, как дикарь оскалясь,
Нырляло и в воде пьянело вдрызг.
Лиловые дельфины кувыркались
В пороховом шипенье жгучих брызг.

И в этом газированном сиянье,
Какую-то тетрадку теребя,
Еще всему чужой, как марсианин,
Я был до ужаса влюблен в тебя.

Тогда мне не хватило бы вселенной,
Пяти материков и всех морей,
Чтоб выразить бесстрашно и смиренно
Свою любовь к единственной моей.

8. СКВОЗЬ МЕНЯ

Я люблю тебя в дальнем вагоне,
В желтом комнатном нимбе огня.
Словно танец и словно погоня,
Ты летишь по ночам сквозь меня.

Я люблю тебя — черной от света,
Прямо бьющего в скулы и в лоб.
Не в Москве — так когда-то и где-то
Все равно это сбывться могло б.

Я люблю тебя в жаркой постели,
В тот преданьем захватанный миг,
Когда руки сплелись и истлели
В обожанье объятий немых.

Я тебя не забуду за то, что
Есть на свете театры, дожди,
Память, музыка, дальняя почта...
И за все. Что еще. Впереди.

9. ЛЕТЯЩИЙ ШАГ

Есть только ты. Есть только то,
 Что белым светом залито:
 Сознание сделанного зла.
 Но для того и жизнь ползла,
 Жгла, мучила, сбивала с ног,
 Чтобы сегодня я не мог
 Связать слова...
 Я больше их не перечту.
 Пускай же бьются лбом
 И с жизнью путают мечту
 И движутся в любом
 Порядке...

Я говорю, что ты невинна,
 Что ночь глядит в твои глаза,
 А в хрусталях пылают вина,
 А в облаках летит гроза.

Я не сойду с ума от гула
 В проросших как лопух ушах.
 Что бы ни било, как ни гнуло, —
 Есть у меня летящий шаг.

Я снова твой подол целую,
 Как тень лежу у милых ног
 И помню всю любовь былую,
 Которой выразить не мог.

Мне не в чем сознаваться! Годы,
 Театры, книги, ветры, сны
 Шли для такой вот непогоды,
 Для пиршества такой весны,

Для дико оскорбленной тени,
 Для мокрых, несморящих глаз...
 И все черно. И все смятенье.
 И дышат гибелью растенья.
 И ветер ненавидит нас.

10. ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ВОЗМУЖАЛОСТЬ

Шли годы. Мне казалось: так и надо.
 Но в мире каждый атом изнутри
 Бомбардирован стойкой канонадой.
 И — снова ночь. Весна. Светает в три.

И сколько бы лицо ни искажалось
 От слез, и книг, и лет, и неудач,
 Есть окончательная возмужалость.
 Она придет и скажет: «Не чудачь!»

Она придет и скажет: «Я такая,
 Что стоит жить, не дорожа собой,
 Что стоит, ничему не потакая,
 Быть вровень с правдой, временем, судьбой.

Она — дитя дыхания и простора,
 Дочь воздуха, земли, воды, огня.
 Она — внезапно поднятая штора
 В той комнате, что мучила меня.

11. ПОМНИ МЕНЯ!

«Помни меня, не забудь меня! Слышишь? Не за...»
 Это мой крик, захлебнувшийся в ветре весеннем.
 Это сама ты меня целовала в глаза.
 Это мы оба остались друг другу спасеньем.

Так вот и будем метаться вдвоем по стране.
 И, разлучившись, молниировать тут же вдогонку,
 Что, мол, в груди оно бьется, подобное гонгу,
 Гневное, гулкое, глупое, по старине.

Все-таки лучшее слово на свете — дорога, —
 Честная, жесткая дружба с пространством земли.
 Хочешь, — как в кинематографе, — только вели,
 Жизнь повторится сначала, моя недотрога!

Память наполнится музыкой, ветром сырым,
 Морем, вокзалами, хриплыми вздохами пара.
 Мимо Кавказа в Москву, через Волгу и Крым
 Снова пройдет как легенда влюбленная пара.

И — словно майская запыляется гроза,
 Все промывая до блеска и все освежая:
 «Помни меня! Я тебе никогда не чужая.
 Помни меня, не забудь меня! Слышишь? Не за...»

12. ПОЭТИЧЕСКИЙ МЕТОД

Мы прицелимся к ним. Мы присмотримся к стеклам и лицам,
 Мы узнаем себя в зеркалах и витринах пустот.
 Хороша по ночам, молода мировая столица.
 Ты похожа на ту. Да и я — совершенно как тот.

И, качаясь, как стебли
 В зеленом свеченье воды,
 Относимые греблей,
 Вступаем в чужие лады.

Наши ломкие части
 Истлеют в ничто на лету.
 Разве это не счастье?
 Разве ты не похожа на ту?

Колдовские ли флейты поют, голосят поезда ли...
 О, скорей! О, спешите! Не печальтесь! Вокзал недалек.
 Я не помню — куда, но мы все-таки не опоздали,
 Есть моток за плечами, и тянет карман кошелек.

Ошалевшее сборище
 Лезет в тебя и в меня,

Пахнет потом и горечью,
Пылью и перцем огня.

От арбатских торговых
До старых Покровских казарм —
Разбитной этот говор,
Большой азиатский базар.

И уже никакого
Ответа на это не надо.
И уже не найдешь,
И как медная мелочь — слова.

Это воздух подкован
Предчувствием — как канонадой.
Это — та молодежь,
Для которой стареет Москва.

Это тонкой антенны гуденье.
Это клочок вертящихся сцен.
Это — мимо оценок и денег —
Вне учета коэффициент.

Это книга Гомера иль Маркса
У кого-то из нас на столе.
Это сигнализация Марсу
Раньше срока почти на сто лет.

Долети, моя прелесть,
И допой эту песню там!
Мы с тобой насмотрелись
В лица тихим ровесникам.

Дозвенись до ушей
Или мимо нацелься,
Если даже мишень
Минус триста по Цельсию.

Если небо расколото
В сто горизонтов —
Наглотайся от холода
Игол азотных.

Ты похожа на ту.
Но и я — совершенно как этот,
Так лети в высоту!
Это наш поэтический метод.

13. ПРИЗНАНИЕ

Словами черными, как черный хлеб и жалость,
Я говорю с тобой, — пускай в последний раз!
Любовь жила и жгла, божилась и держалась.
Служила, как могла, боялась общих фраз.

Все было тяжело и странно: ни уюта,

Ни лампы в комнате, ни воздуха в груди.
И только молодость качалась, как каюта,
Да гладь соленая кипела впереди.

Но мы достаточно подметок износили,
Достаточно прошли бездомных дней и верст.
Вот почему их жар остался в прежней силе
И хлеб их дорог нам, как бы он ни был черств.

И я живу с тобой и стареюсь от груза
Безденежья, дождей, чудачества, нытья.
А ты не вымысел, не музыка, не муза.
Ты и не девочка. Ты просто жизнь моя.

14. ПРОСТИ-ПРОЩАЙ!

Прости-прощай! Прощай-прости навек!
Ты только тень. Я только человек.
Ночь отречения — наше обручение.
Кто звал меня? Чей голос раздался?
Натянуты тугие паруса.
Все веселей и выше приключенья.

Так юность начинается. А тут —
Валы медно-лиловые растут,
Вскипает пена медленно и немо.
И вихри рвут тугие паруса.
Кто звал меня? Чей голос раздался?
Ты, Муза! Ты, мой долг! Моя поэма!

Ну так пускай я буду одинок.
Пускай земля уходит из-под ног.
Твое как лира выгнутое тело
Мне снилось целый век иль полчаса.
Натянуты тугие паруса.
И я один. Ты этого хотела.

15. НАЧИНАЕТСЯ ВРЕМЯ

Приближается время осенних пиров,
Учащенное сердцебиением встреч,
Отягченное всяким добром до краев.
О бессонница! Только бы мне подстеречь
Первый приступ!

Я выдумки литератур
Позабыл бы и снова собрал для нее,
Поднял на ноги ночь. Начинается штурм.
Наконец начинается время мое!

Это в грохоте республиканских камней
Начинается время стихов и любви.
Это поезд летит. Это где-то ко мне
Протянула ты добрые руки свои.

О, я знаю, ты спишь! Но ширяет вокзал
Без исхода стеклянными крыльями в дождь.

Это он мне сегодня не спать приказал.
 Это там, за чертой полустанков и рощ,
 Горизонт уже начал сереть.

И опять
 Начинается время осенних пиров,
 Электричество, бодрость, желанье не спать
 На ветру, под дождем, для тебя...

16. МОЛОДОСТЬ МОЯ

Я «молнии» слал в эту мглу дождевую, —
 Мне сдачу давали с квитанцией вместе,
 Ты снилась мне каждую ночь. И живу я
 Придуманной жизнью, придуманной вестью —

Тобою! О да! Это все еще длится.
 Ни годы, ни грусть ничего не могли
 Решить. И когда ты кивала вдали,
 Смещались квадраты и путались лица.

И снова наш дом, и собака, и полки
 В дочитанных книгах, и даже окурок
 На блюде. И ты в незачесанной челке,
 Ты, лучшее между существ белокурых, —

Приемыш какого-то там акробата,
 Циркачка в обносках чужого тряпья.
 Короче, ты – молодость просто моя.
 Да, молодость! Где-то в колхозе ребята

Тебя провожают вдоль ветел и прясел.
 И клубная сцена им кажется миром.
 И ты, мое сердце, им снишься кумиром.
 Им тоже ты снишься! Но сон их напрасен.

17. ЭТО БЫЛО

Вспоминаешь? Седой городок,
 Лоск асфальта, киоски и пристань.
 Как дракон разрисованный дог
 Опоздал лет на двести иль триста.

Мы пришли из далекой страны,
 Безымянные, сбитые в пару.
 И казались нам страшно странны
 Гул вокзалов и музыка пара.

Доносилось оттуда: «Прощай!»
 Долетало, слабея: «Навеки!»
 И зеленая вспышка треща
 Ударяла нам в сонные веки.
 Но и в ней мы читали: «Прощай!»

Нам сирены кричали, не спевшись,
 Все свое изумленье даря.
 И разливом чернил откипевших

Лиловели под нами моря.

И о том, что еще не была ты,
И о том, что полюбишь меня,
Исполинских часов циферблаты
Раззвонили на все времена.

Разболтали о нас балагуры.
Отсмеялись о нас остряки.
Это было, мой эльф белокурый!
Это создано силой тоски.

18. КОНТУРЫ ЖИЗНИ

Что творится в осеннюю ночь,
Как слабеют растенья сухие,
Как, не в силах друг дружке помочь,
Отдаются на милость стихии!

Как в предсмертном ознобе, в бреду
Кверху тянутся пальцами веток,
И свою понимают беду,
И вздох ее пьют напоследок!

Но редет ненастная мгла.
Обозначились контуры жизни —
Там, где изморозь к утру легла,
Где свершились цветочные тризны.

А вселенная строит свой дом,
И лелеет живых, и взрослеет,
И хмелеет в тумане седом,
И в былом ничего не жалеет!

19. МНЕ СНИЛОСЬ

Мне снился вьюжный молодой декабрь,
Нагих полей и рек самоуправство,
Прощанье наше, копоть канделябр,
Последний вечер сказочного графства.

Мне снился лай, и порсканье в лесах,
Паленой хвои запах, и поляна
Косматых пней. И поиски без плана.
И дым костра, висящий в волосах.

Мне снилась ты в невыносимой дали.
И сломан смехом был твой милый рот.
А снилось мне, что все наоборот,
Что мы с тобой столетье не видались.

20. Я РАССКАЖУ

Пусть метель безумствует в столице,
И в окнах гул раскованных стихий!
Доверил я шифрованной странице
Твое молчанье и твои стихи.

А на заре, туманный бред развеяв,
 Когда уйдут на запад поезда,
 Сожму я в пальцах твой севильский веер,
 С тобой, любовь, расстанусь навсегда.

И серебром колец, тобой носимых,
 Украшу ночь — у стольких на виду,
 И столько раз, и в осенях и в зимах,
 Останусь жив-здоров, не пропаду,

И в новой жизни, под иною датой,
 Предсказанной в таинственной судьбе,
 Твой темный спутник, темный соглядатай,
 Я расскажу всем людям о тебе.

21. РУБЕЖ

Миновало с той поры
 Сорок лет — почти полвека.
 Каждый праздник был как вежа,
 Как поминки — все пиры.

Мчались новые года.
 В должный срок двенадцать било.
 Вьюга русская трубила
 В честь досуга и труда.

Снегом сказочным оброс
 Нынче ночью наш поселок.
 Чертежи абстрактных елок
 В окнах вызвездил мороз.

Ночь прозрачна и свежа.
 Но в тревоге новогодней
 Между завтра и сегодня
 Не отыщешь рубежа.

Тот рубеж — короткий миг,
 Полный смеха, слез и песен.
 Как он короток, как тесен,
 Как загадочен! Но весь он
 Уместился в нас самих.

Пусть бессонные мечты
 Поспешают, мчат куда-то,
 Лишь бы только с новой датой
 Утром перейти на ТЫ.

Что бы ни было — туда,
 Вновь тревожась и ликуя,
 В завтрашнюю мастерскую
 Вечно-юного труда!

Лейся в поле бубенец
 Славной гоголевской тройки —
 К новоселью, к новостройке,

К новобрачным, наконец...

22. БЬЁТ ОДИННАДЦАТЬ

О, как я помню молодость, мгновенье до рассвета —
Кораблик в море времени таинственного цвета,
Когда жилая комната забыла очертанья,
Лишь окна приготовились и розовеют втайне.
О, как я помню молодость, как день ее последний
Напоминает сумрак мой шестидесятилетний.

Не сделано, не кончено, не собрано, не спето —
Кораблик в море времени, предчувствие рассвета!
Не набрано, не сверстано, не скроено, не сшито,
Не считано, не меряно. И нет еще души той,
Которая поймет меня, полюбит иль погубит,
Едва напиток огненный нечаянно пригубит.

Но где ж она скрывается, над чем она смеется,
Зачем не отзывается и в руки не дается?
Что видится, что чудится, какой обещан праздник,
Какая быль не сбудется, какая небыль дразнит?
Иль некуда ей двинуться? Иль некуда деваться?
...Бьет десять. Бьет одиннадцать. Потом пробьет двенадцать

23. СВОБОДЕН ОТ ПОСТОЯ

Вот свободен мой дом от постоя,
От налета бессонниц и снов.
Я ушел и жилище пустое
Запираю на крепкий засов.

Я избавлен от раннего пыла,
От всего, что звенело и жгло,
Что мешало дышать, и слепило,
И ложилось на жизнь тяжело.

Что здесь было, чего не бывало,
Что исчезло в огне и в дыму,
Что отыскано после обвала?
Я с собой ничего не возьму.

Чья когда-то звезда разблесталась,
Чья парабола — чье торжество?
Где три четверти века, где старость?
Я с собой не возьму ничего.

Пусть забрезжит ненастное утро,
За звездою погаснет звезда.
Я отчалю на лодочке утлой.
Только вечность со мной навсегда.